

Ограничение свободы слова в интересах общественной безопасности и защиты репутации или прав других лиц

Статья 10 Конвенции по правам человека достаточно лаконично указывает, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию. Однако п. 2 этой статьи говорит, что свобода слова не абсолютна. В этом пункте также содержится ряд оснований, по которым свобода может ограничиваться. Среди этих оснований защита репутации или прав других лиц. Данное основание охватывает не только защиту чести и достоинства, но и защиту прав неограниченного круга лиц в более широком смысле, в частности защиту от расистских, ксенофобных и иных дискриминационных высказываний, подпадающих в российском праве под категорию экстремистских. Такие экстремистские высказывания в практике Европейского Суда именуется «*hate speech*», что на русский язык можно перевести как «риторика ненависти».

Данная статья направлена на анализ развития Судом практики в области ограничения свободы слова для защиты репутации и прав других лиц. В части первой этой статьи мы проанализируем, как развивалась практика Европейского Суда по ст. 10 в области защиты чести и достоинства, а также то, каким образом позиция Суда влияла на развитие судебной практики по данному направлению в России. Во второй части остановимся на прецедентной практике Суда относительно риторики ненависти и проанализируем, насколько российские суды учитывают подходы Суда при признании высказываний разжигающими ненависть и рознь.

1. Защита чести и достоинства

1. Разделение высказываний на утверждения о факте и оценочные суждения

Статья 10 Конвенции предельно кратка в определении того, что подпадает под ее защиту, – выражение мнения. При этом она не определяет, что такое мнение. В ней также не прописано, что мнения бывают в виде оценочных суждений и утверждений о факте. Такое разделение – это результат судейского активизма еще 1986 г., когда Суд рассматривал дело «Лингенс против Австрии»¹. В этом деле австрийские суды признали журналиста виновным в клевете на канцлера, потому что журналист сказал, что поведение канцлера было аморальным и нечестным. Канцлер обиделся и инициировал производство против журналиста за клевету.

¹ Постановление ЕСПЧ от 08.07.1986 по делу «Лингенс против Австрии» (*Lingens v. Austria*, app. No. 9815/828, July 1986).

Надо отметить, что Уголовный кодекс Австрии того времени включал ст. 111, которая запрещала распространение неправдивой, оскорбляющей честь и достоинство информации. А так как журналист не смог доказать отсутствие морали или чести у канцлера, то его слова были признаны оскорбительными. Европейский Суд не согласился с таким неповоротливым подходом, указав, что нет необходимости подтверждать правдивость отсутствия морали, так как это оценочное суждение.

После этого решения законодательство Австрии никак не изменилось. Однако судебная практика стала складываться уже с учетом разделения утверждений на оценочные суждения и мнения. Через несколько лет после принятия Европейским Судом решения по делу «Лингенс против Австрии» Верховный суд Австрии, рассматривая дело Андреаса Вабла, квалифицировал фразу «неонацистский журнализм», произнесенную в отношении журналиста, как оценочное суждение. Австрийские суды посчитали, что несмотря на то, что фраза является оценочным суждением, Андреас переступил границу допустимой политической критики.

Европейский Суд на этот раз полностью поддержал австрийские суды. Он отметил, что слова Андреаса по сути являются обвинением в нацизме, что в свою очередь для Австрии стало серьезным обвинением. Более того, заявитель сказал данную фразу не сразу, как прочитал статью журналиста, а несколько дней спустя. То есть это не была его моментальная эмоциональная реакция, вызванная обидой, так как за пару дней эмоции должны были остыть².

Первое дело, которое было рассмотрено Европейским Судом относительно квалификации фразы в качестве оценочного суждения или утверждения о факте в отношении России, было дело «Гринберг против России»³. Как и в деле «Лингенс против Австрии», российские суды требовали от заявителя доказать, что у Шаманова, в то время губернатора Ульяновской области, нет ни стыда, ни совести. Так как журналист не смог раскрыть душевное состояние генерала, то российские суды признали, что он распространил не соответствующие действительности сведения.

Во время рассмотрения этого дела в России уже действовал Гражданский кодекс РФ, в ст. 152 которого содержится запрет распространять не соответствующие действительности, порочащие честь и достоинство сведения. Однако в отличие от 2016 г. в 2002 г. все еще действовало постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.08.1992 № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Это постановление никак не разъясняло, что такое «сведения». Поэтому суды относили к сведениям любую информацию.

² Постановление ЕСПЧ от 21.03.2000 по делу Андреаса Вабла (*Andreas Wabl v. Austria*, app. No. 24773/94, 21 March 2000).

³ Постановление ЕСПЧ от 21.10.2005 по делу «Гринберг против России» (*Grinberg v. Russia*, app. No. 23472/03, 21 October 2005).

Рассматривая это дело, Европейский Суд со ссылкой на дело «Лингенс против Австрии» квалифицировал слова журналиста как квинтэссенцию оценочного сужения, отметив, что высказывание было сделано в рамках обсуждения важного публичного вопроса, а именно свободы информации в Ульяновской области. Критика была направлена на политика, пределы допустимой критики которого шире, чем для обычного гражданина. Принимая это во внимание, Суд заключил, что национальные суды не смогли обосновать, почему они предоставили Шуманову защиты больше, чем журналисту. Таким образом, суд признал Россию виновной в нарушении ст. 10 Конвенции. Решение о приемлемости жалобы Гринберга было вынесено в октябре 2004 г., а решение о нарушении Россией ст. 10 датируется годом позже – октябрь 2005 г.

Уже в феврале 2005 г. Верховный Суд РФ принимает новое постановление Пленума 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», в котором говорит следующее: «В соответствии со [статьей 10](#) Конвенции о защите прав человека и основных свобод и [статьей 29](#) Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке [статьи 152](#) Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности».

Разделив сведения на оценочные суждения и утверждения о факте, Верховный Суд РФ не дал рекомендаций, как можно отличить одно понятие от другого. После принятия постановления Пленума 2005 г. российские суды стали пытаться разграничивать эти два понятия, что вызывало большие сложности.

2. Развитие судебной практики Европейского Суда

После дела «Лингенс против Австрии» Европейский Суд продолжал совершенствовать практику по применению ст. 10. Разделение сведений на оценочное суждение, которое не требует доказательств, и утверждение о факте стало обретать новые подробности. Европейский Суд стремился найти баланс между необходимостью защищать репутацию и личную жизнь одних людей и правом на свободу информации других людей. При анализе решений Европейского Суда мы увидим, что Суд постоянно находится между двух огней, а именно между правом спикеров распространять информацию и правом объектов этой информации на защиту чести, достоинства и личную жизнь.

А. Даже оценочное суждение должно основываться на каких-либо фактах

Суд исходит из того, что квалификация суждения в качестве оценочного суждения и заявления о факте – это преимущественно прерогатива национальных судов. Но оставить национальные суды без чуткого руководства ЕСПЧ не может, тем более что он сам неоднократно подчеркивал, что отделить оценочное высказывание от утверждения о факте бывает чрезвычайно сложно. Например, в деле «Шарзах и Ньюс Ферлагсгезельшафт против Австрии»⁴ Европейский Суд рассматривал высказывание «друг нациста», которое, по утверждению заявителя, было оценочным суждением.

Суд указал, что в некоторых случаях отделить одно от другого очень сложно, «однако так как согласно судебной практике Европейского Суда оценочное суждение должно основываться на достаточных фактических данных, дабы быть справедливым комментарием по статье 10, отличие в конечном итоге лежит в фактических основаниях, которые необходимо доказать». Другими словами, Суд посчитал, что даже оценочное суждение должно основываться на каких-то фактах, так как в противном случае это может привести к злоупотреблениям со стороны спикеров.

В деле «Обершлик (No. 2) против Австрии»⁵ Суд рассматривал дело осужденного журналиста, который назвал политика «идиотом», за что был осужден по статье «Оскорбление». Суд посчитал, что слово «идиот» является оценочным суждением, однако даже оценочное суждение не может быть беспричинным. В этом деле журналист смог предоставить объективно понятное объяснение своей точки зрения, поэтому его слова не могут быть основанием для осуждения.

Б. Обсуждение общественно важных тем

Если тема представляет общественную важность, то это значительно снижает шансы того, что Суд признает необходимым предоставлять фактическое обоснование справедливости высказывания, даже если высказывание больше похоже на суждение о факте.

В деле «Харламов против России»⁶ суд рассматривал заявление о том, что избранный университетский Ученый совет является нелегитимным, так как деканы не выносили на публичное обсуждение кандидатуры, а кандидаты в совет назначались напрямую деканами, что являлось нарушением прав профессоров и других работников университета. В национальных судах было установлено, что процедура выборов не нарушала ни закон, ни иные нормативные акты.

⁴ Постановление ЕСПЧ от 13.11.2003 по делу «Шарзах и Ньюс Ферлагсгезельшафт против Австрии» (*Scharsach and News Verlagsgesellschaft v. Austria*, app. No. 39394/9813, November 2003).

⁵ Постановление ЕСПЧ от 01.07.1997 по делу «Обершлик (No. 2) против Австрии» (*Oberschlick (No. 2) v. Austria*, app. No. 20834/92, 1 July 1997).

⁶ Постановление ЕСПЧ от 08.10.2015 по делу «Харламов против России» (*Kharlamov v. Russia*, app. No. 27447/07, 8 October 2015).

Европейский Суд заключил, что легитимность процедуры выборов в Ученый совет являлась важной общественной темой, поэтому Суд признал, что обвинения в нелегитимности являлись оценочным суждением. Так как у заявителя были фактические основания для своего суждения (а именно свидетельские показания нескольких профессоров относительно того, что не было общественного обсуждения кандидатур в Совет), то Суд признал преследование господина Харламова нарушающим Конвенцию.

В деле «Институт экономических реформ против Украины»⁷ Суд рассматривал цитаты из сатирической статьи, которые украинские суды признали порочащими честь и достоинство. В данной статье автор утверждал, что госпожа Герман продалась Януковичу. При этом автор в форме вопросов рассуждал относительно того, за сколько Янукович мог ее купить: за тысячу долларов или за квартиру в Киеве. В конце данной статьи было указано, что она является иронической и сатирической.

Суд установил, что национальные суды «выдернули» фразы из контекста и оценивали их без учета общего тона статьи. Более того, украинские суды «не прокомментировали общий контекст политических дебатов, в рамках которого заявления были сделаны, и не анализировали предмет обсуждений». Европейский Суд также отметил, что «национальные суды не обратили внимание на гипотетические грамматические конструкции и сатирический тон, использованный автором, который явно подчеркнул, что его утверждения должны рассматриваться как иронические».

В. Критика публичных фигур

Еще в 1992 г. в деле «Кастелс против Испании»⁸ Европейский Суд указал: *«Границы разрешенной критики являются более широкими относительно государства, нежели относительно частного гражданина или политика. В демократической системе действия государства или их отсутствие должны быть предметом тщательного анализа не только законодательной или судебной власти, но и прессы и общественности».*

Суд также считает, что эта логика применима и к другим публичным персонам. Например, известные бизнесмены, которые руководят государственными корпорациями («Файед против Соединенного Королевства»⁹), люди или ассоциации, которые участвуют в общественных дискуссиях («Нильсен и Джонсен против Норвегии»¹⁰). По мнению Суда, общественные деятели

⁷ Постановление ЕСПЧ от 2 июня 2016 г. по делу «Институт экономических реформ против Украины» (*Institut Ekonomichnykh Reform, Tov. v. Ukraine*, app. No. [61561/08](#), 2 June 2016).

⁸ Постановление ЕСПЧ от 23.04.1992 по делу «Кастелс против Испании» (*Castells v. Spain*, app. No. 11798/85, 23 April 1992).

⁹ Постановление ЕСПЧ от 21.09.1990 по делу «Файед против Соединенного королевства» (*Fayed v. the United Kingdom*, 17101/90, 21 September 1990).

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 25.11.1999 по делу «Нильсен и Джонсен против Норвегии» (*Nilsen u Johnsen v. Norway*, app. No. 23118/93, 25 November 1999).

также должны быть более терпимы к критике.

Однако даже по отношению к вышеуказанным категориям безосновательная критика, в рамках которой делаются серьезные обвинения, не является допустимой. Например, в деле «Линдон, Очаковски-Лоренс и Джули против Франции»¹¹ писатель издал книгу, в которой высмеивал идеологию французского Национального фронта, а также ее лидера – господина Лё Пэна. Хотя книга позиционировалась писателем в качестве абсолютно вымышленной истории, в ней было много реальных фактов, создающих у читателя впечатление, что в ней описаны реальные события.

Суд также отметил, что персонаж, олицетворяющий Лё Пэна, оправдывал совершенное по сюжету убийство из-за расовой принадлежности героя. При этом сам автор допускал по отношению к лидеру книжной партии такие выражения, как «главарь бандитской группировки», «вампир, который питается горечью своего электората, а иногда и его кровью». Учитывая данные обстоятельства, суд пришел к выводу, что книга не подпадает под защиту ст. 10.

Что касается государственных и муниципальных служащих, то в отличие от политиков они не выставляют себя на общественный суд, поэтому и допустимая критика в отношении их должна быть меньше. Тем не менее пределы критики по отношению к государственным служащим должны быть шире, чем для частных лиц. Суд особенно трепетно относится к судьям, но как только судьи начинают участвовать в общественной жизни, они теряют свою защиту¹².

В деле «Педерсен и Баадсгард против Дании»¹³ заявители были осуждены за высказывания, сделанные во время телевизионной передачи, которая была посвящена уголовному преследованию гражданина Х. за якобы совершенное им убийство. Программа обрушилась с сильной критикой на полицию, так как был свидетель, который подтвердил алиби подозреваемого, но это алиби полиция не приняла во внимание. В программе был показан портрет подполковника, который занимался расследованием преступления, и были заданы следующие вопросы: «Это был подполковник (имя), который решил, что доказательство не должно быть включено в материалы дела? Или он и старший инспектор летучего отряда, которые сокрыли свидетельские показания от защитника, судьи и присяжных заседателей?»

9 из 17 судей (т.е. на один больше, чем меньшинство, что говорит о разделенности судейского состава и о неоднозначности решения) Большой Палаты посчитали, что вопросы являлись утверждениями о фактах, которые заявители не смогли подтвердить. Они обосновали свое мнение тем, что по своему характеру эти риторические вопросы были серьезным обвинением.

¹¹ Постановление ЕСПЧ от 22.10.2007 по делу «Линдон, Очаковски-Лоренс и Джули против Франции» (*Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France*, App. No. 21279/02, 22 October 2007).

¹² Постановление ЕСПЧ от 20.07.2003 по делу «Хрико против Словакии» (20 July 2004, app. No. 49418/99).

¹³ Постановление ЕСПЧ от 19.06.2003 по делу «Педерсен и Баадсгард против Дании» (*Pedersen and Baadsgard v. Danmark*, app. No. 49017/99, 19 June 2003).

Более того, журналисты показали фотографию государственного служащего и обвинили его в тяжком преступлении. Оставшиеся восемь судей Большой Палаты не согласились с ними, посчитав, что это были провокационные гипотезы, которые должны расцениваться как оценочные суждения.

3. Рецензия практики российскими судами

Еще до издания Президиумом Верховного Суда РФ постановления от 16.03.2016 «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» многие суды учитывали позицию Европейского Суда относительно того, что критика политиков допустима в более широких пределах, нежели критика обычных граждан. Например, в Апелляционном определении Владимирского областного суда от 25.02.2016 по делу № 33-410/2016 указано, что статья, высмеивавшая чиновников-казнокрадов, не вызывала социальную рознь, так как пределы допустимой критики шире в отношении политика, чем простого лица. Аналогичный подход демонстрируется, например, в Апелляционном определении Нижегородского областного суда от 03.03.2016 по делу № 33-2461/2016, где сказано: «Судебная коллегия исходит и из того, что А. является публичной фигурой, занимает муниципальную должность, следовательно, пределы допустимой критики в его отношении шире по сравнению с гражданами, не занимающимися политической деятельностью».

Тот же самый подход наблюдается, например, в Решении Дзержинского городского суда Нижегородской области от 13.11.2015 по делу № 2-4829/2015~М-4610/2015, в Апелляционном определении Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 25.11.2015 по делу № 33-1393/2015.

В постановлении Президиума 16.03.2016 утвердил «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» Верховный Суд РФ фактически сделал обязательным для судов расширение пределов критики политических и общественных лидеров, указав следующее: «Критика деятельности лиц, осуществляющих публичные функции, допустима в более широких пределах, чем в отношении частных лиц».

Особую сложность вызывает рассмотрение дел о защите чести, достоинства и деловой репутации лиц, осуществляющих публичные функции. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени ([статьи 23](#) и [24](#)). При этом профессиональная сфера деятельности предполагает наличие определенных ограничений в осуществлении конституционных прав и свобод, что обусловлено исполнением особых публично-правовых обязанностей».

Относительно ограничения высказываний по общественно важным темам Верховный Суд

РФ также воспринял позицию Европейского Суда, согласно которой [п. 2 ст. 10](#) Конвенции дает мало возможностей для ограничения политических высказываний или дебатов по вопросам, представляющим всеобщий интерес.

Особо хотелось бы отметить, что данное постановление Президиума было издано в достаточно сложный период для взаимоотношений России и Совета Европы. Именно в этот период Конституционный Суд РФ впервые разрешил не исполнять решение Европейского Суда по делу «Анчугов и Гладков против России»¹⁴ после принятия Федерального конституционного закона от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»», который и предоставил Конституционному Суду РФ полномочия отказывать в приведении в исполнение решений Европейского Суда. В это время в российской общественной и политической жизни также происходило переосмысление того, насколько европейские ценности подходят России в силу самобытности культуры и ее исторического пути. Поэтому данное постановление Верховного Суда РФ, изданное в пик напряженности, подтвердило в целом приверженность России европейским ценностям.

Таким образом, относительно ограничения свободы слова для защиты чести и достоинства однозначно наблюдается тенденция заимствования практики Европейского Суда в национальное правоприменение.

II. «*Hate speech*» или высказывания экстремистского характера

1. Сложности интерпретации понятия

Ранее в статье было показано, как формировалось российское законодательство в области защиты чести и достоинства, когда в начале 2000-х гг. вслед за Европейским Судом по правам человека появилось разделение указанных в ст. 152 Гражданского кодекса РФ «сведений» на утверждения о факте и оценочные суждения. Последующая российская судебная практика – это попытки понять, какие высказывания являются суждениями о факте, а какие – оценочными суждениями.

В этой части статьи хотелось бы рассказать, как практика Европейского Суда позитивно влияла на развитие законодательства и правоприменения в области разжигания национальной розни («*hate speech*» – риторика ненависти). Однако одного желания автора мало, так как очевидного влияния подходов Суда на российское правоприменение в этой области замечено не было.

¹⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против России» (*Anchugov and Gladkov v. Russia*, app. No. 11157/04 and 15162/05, 4 June 2013).

Отсутствие явно выраженного влияния, возможно, связано с тем, что российское антиэкстремистское законодательство сравнительно молодое. Так, Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремизму» был принят только в 2002 г., а в 2003 г. появились поправки в Уголовный кодекс РФ. Другое объяснение отсутствия заметной рецепции связано с тем, что дела относительно преследования за экстремистские высказывания еще только доходят до Европейского Суда, так как ст. 282 Уголовного кодекса РФ стала пользоваться «повышенным спросом» с 2011 г. Если, например, в 2010 г. было зарегистрировано 656 преступлений экстремистской направленности, то в 2015 году – 1186, а за первое полугодие 2016 г. – 830¹⁵. Начиная с 2011 г. стала появляться практика привлечения к уголовной ответственности за экстремизм за неумные, но в целом не вызывающие ненависть и вражду высказывания. Так, в Европейском Суде сейчас на стадии коммуникации находится дело «Сухов против России»¹⁶, в котором священника обвинили в том, что он разжигал ненависть, повесив плакат «Православие или смерть».

Третьей причиной, возможно, является то, что само понятие «*hate speech*», равно как и практика государств, являющихся членами Совета Европы, по ограничению свободы слова по данному основанию весьма разнообразна. Например, «Руководство по риторике ненависти», изданное Советом Европы, говорит о том, что единого понятия «риторика ненависти» не существует¹⁷.

Комитет министров Совета Европы использует следующее определение: «Риторика ненависти означает все формы выражения, которые распространяют, разжигают, создают благоприятные условия, обосновывают ненависть по расовому признаку, ксенофобию, антисемитизм или другие формы ненависти, основывающиеся на отсутствии толерантности, включая отсутствие толерантности посредством агрессивного национализма и этноцентризма, дискриминации и враждебного отношения к меньшинствам, мигрантам или потомкам мигрантов»¹⁸. Для нужд данной статьи мы остановимся на экстремистских высказываниях, разжигающих национальную и социальную рознь и вражду.

Российское законодательство определяет возбуждение ненависти в ст. 282 Уголовного кодекса РФ следующим образом: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы,

¹⁵ Показатели преступности в России (портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ): http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.08.2016).

¹⁶ Коммуникация от 18.11.2012 по делу «Сухов против России» (*Communicated case Sukhov v. Russia*, app. No. 78116/12 18 October 2013).

¹⁷ Вебер А. Руководство по риторике ненависти. Публикация Совета Европы: 2009. С. 3. // http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/hrpolicy/Publications/Hate_Speech_EN.pdf. (дата обращения: 03.08.2016).

¹⁸ Там же. С. 4.

национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»». В данной статье есть четыре понятия, которые в ней не расшифровываются, но которые могут интерпретироваться очень широко: это «действия», «возбуждение», «социальная группа» и «публично».

Девять лет спустя после появления в Уголовном кодексе РФ ст. 282 Верховный Суд РФ издал постановление Пленума от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в котором сделал попытку разъяснить, что является «действиями» и «публично» по смыслу ст. 282 Уголовного кодекса РФ. В частности, он указал: «Действия... влекут уголовную ответственность по [части 1 статьи 282](#) УК РФ только в том случае, если они совершены публично или с использованием средств массовой информации (например, выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц).

Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц».

Хотя данное постановление и было направлено на упорядочивание правоприменения, но в связи с тем, что для прояснения неясного термина «разжигание ненависти и вражды» были использованы расширительные словосочетания «иные подобные действия», «иные противоправные действия», «другая группа лиц», судебная практика не стала более однородной.

С одной стороны, мы все понимаем, что имел в виду законодатель в ст. 282 Уголовного кодекса РФ. Мы осознаем, что для применения ст. 282 Уголовного кодекса РФ должна быть какая-то группа людей, в отношении которой субъект (говорящий) высказывает критику, а эта критика разжигает (усиливает) ненависть. С другой стороны, так как понятие «разжигание» или «возбуждение» ненависти в законе не определено, то фактически под ныне существующее определение подпадает любая критика, которая осуществляется в отношении не конкретного человека, а в отношении группы людей. Например, если блогер на своей страничке «ВКонтакте» напишет «Бей любителей селфи!», то его действия формально будут подпадать под ст. 282 Уголовного кодекса РФ, так как налицо призыв к противоправным действиям в отношении социальной группы «любители селфи». Хотя такое высказывание будет неумным, назвать его разжигающим социальную рознь можно с очень большой натяжкой. Почему?

2. Объектом экстремистских высказываний может быть не любая социальная группа

Согласно словарю Даля, разжигать ненависть, вражду означает раздувать, распалить, усиливать. Если обратиться к технологии раздувания костра, то обязательно вспомним, что для разжигания костра необходима искра. Без искры (т.е. без наличия социальной напряженности в отношении какой-то группы) невозможно раздувание или усиление вражды. Таким образом, разжигать ненависть или вражду означает усиливать уже существующую напряженность. В приведенном выше примере никакой социальной напряженности по отношению к любителям селфи нет, поэтому и призыв их бить не приведет к разжиганию розни.

То, что к разжиганию ненависти может привести не любая критика, объясняется еще и тем, что при ограничении свободы слова (будь то для защиты чести и достоинства или при запрете на разжигание розни) законодатель ограничивает свободу одной группы лиц в пользу другой. Почему права одной группы ставятся выше прав другой группы? Наверное, потому, что одна группа находится в более уязвимом положении, чем другая. Например, в случае защиты чести одно некорректное слово может серьезно нанести вред репутации, на восстановление которой уйдет огромное количество времени. Таким образом, ограничивая свободу слова одних, законодатель дает защиту другим группам, которые более уязвимы. К сожалению, в российском праве не выработан критерий уязвимости группы при оценке экстремистского характера высказывания. Именно поэтому возможно преследование в уголовном порядке за разжигание ненависти, например, к социальной группе «сотрудники полиции УМВД по Тверской области» (ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса РФ)¹⁹. Сотрудники полиции УМВД являются социальной группой, но вряд ли их можно отнести к уязвимой группе.

Безосновательно расширение термина «социальная группа», по сути приводящее к включению в него любой общности, где больше двух человек, приведет к тому, что ст. 282 Уголовного кодекса РФ будет признана Европейским Судом не соответствующей критерию ясности. Критерий ясности требует, чтобы закон позволял лицу предвидеть (в том числе посредством обращения за квалифицированной помощью) последствия своего поведения. Однако при расширительном толковании, которое российские суды дают понятию «социальная группа», предвидеть возможность уголовного преследования весьма проблематично, так как есть реальная опасность того, что группа, которая стала объектом критики, будет признана социальной группой, а значит, подпадет под защиту ст. 282 Уголовного кодекса РФ.

¹⁹ Арестован обвиняемый в возбуждении ненависти к сотрудникам полиции житель Твери // <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2016/07/d35077/>. (дата обращения: 25.07.2016).

3. Высказывания относительно «больных» тем

Российская правоприменительная практика исходит из того, что высказывания на «больную» тему, например о положении на юго-востоке Украины, могут повлечь преследование по ст. 282 Уголовного кодекса РФ. Причины такого привлечения к ответственности понятны: вопрос связан с национально-патриотическими чувствами россиян и общество неоднородно в своей позиции по данному вопросу.

В практике Европейского Суда не раз были вопросы относительно высказываний на «больные» темы, когда Суд сталкивался с вопросом: а нужно ли защищать чувства большинства от распространения информации, которая может быть им неприятна? Для ответа на этот вопрос Суд определяет круг «больных» тем. Отправной точкой для анализа соблюдения пропорциональности вмешательства является то, что в целом залог процветания демократии – это публичные дебаты без применения насилия, даже если в центре дебатов оказывается чувствительные темы.

Например, в деле «Станков и Объединенная македонская организация «Илиден» против Болгарии»²⁰, Суд указал, что запрет на проведение митингов для организации, которая не разделяла мнения большинства болгар относительно национальной принадлежности болгарских национальных героев, был недопустим. Суд, в частности, указал: «Одной из принципиальных характеристик демократии является возможность, которую она предоставляет для разрешения проблем страны посредством диалога без обращения к насилию, даже когда они (проблемы) носят раздражающий характер. Демократия расцветает при свободе слова. С этой точки зрения не может быть оправдания созданию помех в деятельности организации только на том основании, что она нацелена на общественные обсуждения части населения страны и на нахождение согласно демократическим правилам ответов, которые могли бы удовлетворить каждого».

Однако Суд отходит от своего правила предоставлять защиту даже тем идеям, которые раздражают большинство населения страны, в том случае, если исторический и политический контекст этого требует. Например, принимая во внимание геноцид евреев и трагедию Второй мировой войны в целом, Суд пришел к выводу, что запрет на отрицание геноцида является пропорциональным ограничением. В деле «Гароди против Франции»²¹ автор книги «Мифы, на которых основывается современный Израиль» жаловался на привлечение к уголовной ответственности за разжигание национальной розни, так как книга отрицала Холокост.

²⁰ Постановление ЕСПЧ от 02.10.2001 по делу «Станков и Объединенная македонская организация «Илиден» против Болгарии» (*United Macedonian Organization Ilinden v. Bulgaria*, app. No. 29221/95 and 29225/95, 2 October 2001).

²¹ Решение о приемлемости жалобы ЕСПЧ от 24.07.2003 «Гароди против Франции» (*Decision on admissibility, Garaudy v. France*, 24 June 2003).

Суд посчитал, что переоценка явно установленных Международным трибуналом исторических фактов не является научным или историческим исследованием. Настоящей идеей было оправдание национал-социалистического режима и обвинение евреев в фальсификации истории. Такие действия являются грубым нарушением прав евреев. Помня ужасы Второй мировой войны, в особенности геноцид евреев гитлеровской Германией, Суд признал, что евреи являются уязвимой категорией. Поэтому, применяя ст. 17 Конвенции, запрещающую злоупотребление правами, Суд не нашел нарушений ст. 10 в этом деле.

Однако не все трагедии могут оправдать запрет на их отрицание. В деле «Перинчек против Швейцарии»²² Суд рассматривал, насколько уголовное наказание за отрицание геноцида армян Османской империей в 1915 г. может считаться пропорциональным ограничением свободы слова. Суд принял во внимание, что консенсуса относительно того, были ли массовое убийство турецкими властями армян геноцидом, достигнуто до сих пор не было. Более того, учитывая, что прошло более 90 лет с момента массовых убийств, и сами убийства не происходили в Швейцарии, то суд пришел к выводу о непропорциональности введения Швейцарией уголовно наказуемого запрета на отрицание.

Суд также принимает во внимание напряженную обстановку, связанную с борьбой за независимость определенных групп. Примером напряженной обстановки вокруг вооруженного конфликта является противостояние на юго-востоке Турции в 1980-е и 1990-е гг. между РКК (Партия рабочих Курдистана, незаконное вооруженное формирование) и турецкой армией.

В деле «Сурек против Турции»²³ заявитель обвинялся в разжигании национальной розни, а именно в том, что принадлежащее ему издание распространило в жесткой форме критику турецких властей в отношении массовых убийств на юго-востоке Турции. Рассматривая данное дело, Суд уточнил, что необходимо принимать во внимание исторический и политический контекст дела. В опубликованной статье использовались такие фразы, как «фашистская турецкая армия», «банда для убийств». Суд учел, что данные фразы можно считать разжигающими рознь, так как они были направлены на усиление уже существующих предубеждений, которые ранее вылились в вооруженное насилие, сопровождаемое множеством смертей среди гражданского населения.

Суд также признал атмосферу, порожденную смертоносными восстаниями в турецких тюрьмах в декабре 2000 г., проблемы вокруг интеграции мигрантов неевропейского, в особенности мусульманского, происхождения²⁴, отношения с национальными меньшинствами в

²² Постановление ЕСПЧ от 15.10.2015 по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*, app. No. 27510/08, 15 October 2015).

²³ Постановление ЕСПЧ от 08.07.1999 по делу «Сурек против Турции» (*Surek v. Turkey*, pp. [No. 26682/95](#), 8 July 1999).

²⁴ Постановление ЕСПЧ от 10.12.2007 по делу «Фере против Бельгии» (*Féret v. Belgium*, app. No. [15615/07](#),

Литве сразу после независимости в 1990 г.²⁵ обосновывающими ограничение свободы слова.

Однако даже если высказывание затрагивает «больную» точку, Суд анализирует, было ли оно направлено на переосмысление события в целом или только роли определенного человека в событиях. В деле «Лехилё и Исорни против Франции»²⁶ Суду предстояло рассмотреть дело, в котором французские суды приговорили авторов заметки в газете к наказанию за то, что они утверждали, что маршал Пётан (возглавлял коллаборационистское правительство Франции во время нацистской оккупации, известное как режим Виши) был не таким уж плохим.

В частности, авторы призывали пересмотреть смертный приговор и реабилитировать маршала. Национальные суды усмотрели в тексте оправдание преступлений, совершенных нацистской Германией во времена оккупации. Европейский Суд указал, что хотя текст является полемическим, нельзя говорить о том, что в нем отрицаются преступления нацистов, так как он был направлен не на анализ политики нацистов, а на рассмотрение обстоятельств дел Маршала. Суд также обратил внимание на то, что с момента Второй мировой войны прошло более 40 лет (на тот период, когда Суд рассматривал дело), поэтому наказывать за такие высказывания так же строго, как и десять лет назад, недопустимо.

Итак, установив, что ограничение свободы слова связано с наличием социальной напряженности, Суд переходит к анализу того, может ли высказывание (формально разжигающее ненависть и рознь) реально усилить рознь с учетом статуса спикера и способа распространения им информации.

4. Спикер и способ распространения им высказываний экстремистского характера

Человек наедине с собой может думать о чем угодно. Наказать его за то, что он в своей голове разжигает рознь, отрицая Холокост или считая определенные меньшинства ущербными, проблематично, хотя бы потому, что до момента, когда он делится своими соображениями, никто не знает о факте отрицания. Само понятие «разжигание розни» предполагает, что от одного человека ненавистью могут «заразиться» другие люди. Таким образом, наказываться может только распространение мыслей.

Российское законодательство для признания высказываний экстремистскими требует их публичного распространения или распространения с использованием СМИ. Верховный Суд РФ

10 December 2009).

²⁵ Постановление ЕСПЧ от 04.11.2008 по делу «Бальсайте-Ледейкине против Литвы» (*Balsytė-Lideikienė v. Lithuania*, app. No. [72596/01](#), 4 November 2008).

²⁶ Постановление ЕСПЧ от 23.09.1998 по делу «Лехилё и Исорни против Франции» (*Lehideux and Isorni v. France*, app. No 24662/94, 23 September 1998).

приводит пример, что наличие публичного распространения может быть во время выступлений на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть «Интернет», и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц.

Равно как и в случае с предметом высказывания, Верховный Суд РФ хотя и привел примеры публичных высказываний (например, митинг или СМИ), но не пояснил, какой должен быть охват аудитории, чтобы можно было считать, что суждение было распространено публично. Можно ли назвать публичным распространением «кухонный» разговор трех товарищей или спор между группой лиц в составе не более четырех человек, в процессе которого один собеседник делится соображениями по поводу незаконности присоединения Крыма, как, например, в деле Мустафы Ягьяева²⁷? В данной компании было более двух человек, и формально такое распространение будет по российскому праву квалифицироваться как публичное, но исходя из логики законодателя такая интерпретация будет однозначно чрезмерной. Или можно ли считать публичным распространением слова пьяного жителя Оренбургской области, который на автобусной остановке выкрикивал антирусские оскорбления?²⁸ Думается, что в данных примерах для преследования по ст. 282 Уголовного кодекса РФ здесь как минимум нет достаточной публичности.

Европейский Суд также не выработал четкого критерия, сколько человек должно прочитать или ознакомиться с высказыванием, чтобы оно считалось распространенным публично. Однако он разработал следующий подход.

Наибольший охват аудитории у СМИ, поэтому если высказывания распространены через СМИ, то Суд гораздо чаще становится на сторону государства. Например, в деле «Зана против Турции»²⁹ Суд признал преследование учредителя газеты за публикацию статьи. В статье ранее упомянутая Партия рабочих Курдистана называлась освободительным движением, а жертвы среди мирного населения – ошибками Партии. Суд признал уголовное преследование пропорциональным, так как высказывание было распространено через СМИ, а сам спикер был политической фигурой.

²⁷ Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2015 году // <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2016/03/d33946/> (дата обращения: 10.07.2016).

²⁸ В Оренбургской области возбуждено уголовное дело об антирусских оскорблениях // <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2016/07/d35095/> (дата обращения: 10.07.2016).

²⁹ Постановление ЕСПЧ от 25.11.1997 по делу «Зана против Турции» (*Zana v. Turkey*, app. No. 18954/91, 25 November 1997).

Однако суждения, сделанные в книге исторического характера относительно все той же «больной» темы на юго-востоке Турции, были признаны менее опасными, хотя среди них были и такие высказывания, как «турецкое иго», «турецкие захватчики и преследователи». В данной книге автор делал вывод, что турецкие власти планировали организовать «окончательное решение» вопроса в г. Силопе, а именно геноцид курдов. Он также заявил, что когда курды заявили о противостоянии, это было «счастливой новостью дня, когда падет крепость насилия турецкого шовинизма».

Рассматривая это дело, Суд отметил, что несмотря на то, что книга имеет исторический характер, она не описывает события с нейтральной точки зрения. Через данную книгу автор критиковал действия турецких властей, в том числе и для того, чтобы вдохновить население на противостояние властям. Однако Суд отметил, что заявитель является частным лицом и что он распространил свои взгляды не посредством СМИ, а посредством книги, что существенно снизило серьезность последствий, которые данная книга может иметь на национальную безопасность и публичный порядок³⁰.

Публичным распространением, охватывающим большое количество людей, Суд счел слова, сказанные во время предвыборной агитации. Бельгийский политик Фере, известный своими крайне правыми националистическими взглядами, выступая в рамках избирательной кампании, призывал граждан восстать против исламизации Бельгии, а также отправить всех ищущих работу неевропейского происхождения домой³¹.

5. Вопросы общественного интереса

Если политик высказывается относительно вопросов, которые представляют общий интерес, то по отношению к таким высказываниям Суд менее строг, а значит, скорее всего, он признает нарушение Конвенции в случае преследования автора высказывания. Ранее в данной статье было показано, что Суд внимательно относится к проблемам Турции на юго-востоке и во многих случаях соглашается с властями относительно пропорциональности вмешательства. Однако если в высказывании не было прямого призыва или оправдания насилия против турецких властей, то Суд анализирует, можно ли отнести высказывание к вопросу общественного интереса. Например, в деле «Инкаль против Турции»³² Суд рассматривал законность изъятия листовок, которые предназначались для распространения в Измире с целью противостоять турецким властям в выселении курдов из этого региона. Принимая во внимание, что в данных листовках не было

³⁰ Постановление ЕСПЧ от 08.07.1999 по делу «Арслан против Турции» (*Arslan v. Turkey*, app. No. 23462/94, 8 July 1990).

³¹ Постановление ЕСПЧ от 10.12.2007 по делу «Фере против Бельгии» (*Féret v. Belgium*, app. No. [15615/07](#), 10 December 2009).

³² Постановление ЕСПЧ от 09.06.1998 по делу Инкаль против Турции (*Incal v. Turquie*, 9 June 1998).

прямого призыва взяться за оружие, Суд посчитал, что высказывания относятся к вопросу общественного интереса, что ограничивает дискреционные полномочия властей.

К общественному интересу также относится и критика властей (если она не переступает допустимые рамки, т.е. не призывает взяться за оружие). Как и по делам о защите чести и достоинства, Суд считает, что границы позвольительной критики в отношении властей и политиков шире, чем в отношении частного лица. В деле «Кастелс против Испании» Суд указал: «Более того, доминирующее значение, которое занимает государство, делает необходимым сдерживание при обращении к уголовному преследованию, в особенности, когда есть другие средства для ответа на безосновательные обвинения»³³.

6. Искусство

Снижает степень опасности высказывания и тот факт, что оно было сделано, например, в стихах. Суд исходит из того, что для искусства характерны определенная степень провокации и сатиры. Например, в деле «Каратас против Турции»³⁴ автор стихов был осужден за разжигание розни, а также призывы к нарушению территориальной целостности Турции, так как призывал посредством метафор и пафоса к самопожертвованию во имя Курдистана. При этом стих содержал явную агрессию по отношению к турецким властям.

Оценивая высказывания поэта, Суд посчитал, что писатель использовал поэзию как форму выражения своих мыслей, которая доступна отнюдь не всем. Хотя Европейский Суд отметил определенную политизацию стихотворений, принимая во внимание их ограниченный потенциальный охват аудитории, он не усмотрел разжигания национальной розни и призывов к нарушению территориальной целостности.

Вышесказанное не означает, что люди искусства могут говорить абсолютно все. Как только произведение искусства перестает таким быть, а становится элементом политической борьбы, то Суд снимает защиту. Например, в деле «М'Бала М'Бала против Франции»³⁵ Суд указал, что приговор в отношении комика Дьёдонне М'Бала М'Бала не противоречил ст. 10 Конвенции. В этом деле Дьёдонне публично наградили академика, известного своими взглядами, направленными на отрицание Холокоста. Причем сама награда имела явное сходство с ханукией, а вручал ее человек в форме немецкого концентрационного лагеря со звездой Давида и надписью «еврей». Суд посчитал, что церемония не была исключительно искусством, а стала политическим мероприятием.

³³ Постановление ЕСПЧ от 23.04.1992 по делу Кастелс против Испании (*Castells v. Spain*, app. No. 11798/85, 23 April 1992).

³⁴ Постановление ЕСПЧ от Каратас против Турции (*Karatas v. Turkey*, app. No. 23168/94, 8 July 1999).

³⁵ *Решение ЕСПЧ относительно приемлемости жалобы от 20.10.2015 по делу «М'Бала М'Бала против Франции»* (*M'Bala M'Bala v. France*, app. No. 25239/13, 20 October 2015).

7. Цель распространения информации

По мнению Европейского Суда, необходимо понимать цель распространения информации. Если целью не было разжигание розни, то наказание за такое распространение будет нарушать ст. 10 Конвенции. Например, в деле «Джерсид против Дании»³⁶ Суд рассматривал наказание, примененное к журналисту, который создал программу о группе молодых людей, именующих себя «*Greenjackets*» (зеленые пиджаки). Эта группа была знаменита своими расистскими высказываниями. Перед интервью с представителями данной группы журналист предупредил телезрителей о характере их убеждений, однако это было сделано без осуждения со стороны журналиста. Суд посчитал, что при анализе всех обстоятельств дела становится понятным, что целью распространения информации было не возбуждение розни, а информирование публики относительно того, что уже было в центре общественных обсуждений.

Определить цель высказывания достаточно трудно, примерно так же, как и отграничить сведения о факте от оценочных суждений. Когда в статье однозначно имеется призыв совершать насильственные действия по отношению к определенной социальной группе, такой призыв именуется «прямым». Прямой призыв возможен, если имеются глаголы повелительного наклонения (императив), например, «убивай», «круши» и т.д.

При определении наличия призыва к насилию также возможен и косвенный призыв, в случае если при отсутствии императива из высказываний явно следует необходимость уничтожения или применения насилия к определенной группе. Однако при расследовании преступлений по ст. 282 Уголовного кодекса РФ экспертами зачастую делается вывод о наличии скрытого призыва, что представляет собой «персуазивное высказывание, направленное на изменение алгоритма поведения адресата»³⁷.

Такой скрытый призыв был, например, обнаружен экспертами ФСБ при анализе Декларации независимости крымско-татарского народа. Эксперты посчитали, что Декларация разжигает национальную рознь, так как в ней якобы было противопоставление крымских татар всем другим национальностям в силу, по мнению эксперта, их превосходства. При этом в Декларации не было прямых призывов дискриминировать нетатар. Косвенных призывов тоже не было, так как Декларация не затрагивала права других народов. Она была сконцентрирована исключительно на правах татар. Но именно поэтому эксперт обнаружил некий «скрытый призыв инклюзивного характера» на разжигание розни. Естественно, такой вывод весьма спорен и неочевиден, хотя бы

³⁶ Постановление ЕСПЧ от 23.09.1994 по делу «Джерсид против Дании» (*Jersild v. Denmark*, app. No. 15890/89, 23 September 1994).

³⁷ *Осадчий М.А.* Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). С. 14; <http://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-parametrizatsiya-ekstremistskogo-prizyva> (дата обращения: 03.08.2016).

потому, что целью Декларации была борьба за признание своего права на полноценное проживание на территории полуострова после нескольких десятков лет изгнания татар оттуда.

Другой пример неправильного определения цели действия – это преследование по ст. 282 Уголовного кодекса РФ за продажу в магазине бюстов и фигурок солдат и офицеров нацистской Германии. При этом фигурки не были детскими игрушками, а были товаром, предназначенным для моделистов. Однозначно, что целью продажи данных фигурок было не разжигание розни по отношению к ветеранам Великой Отечественной войны, как указывает следствие. Целью была продажа для частных коллекций.

Принимая во внимание весьма спорные случаи привлечения к уголовной ответственности за разжигание розни, видится необходимым разъяснение Верховного Суда РФ относительно толкования ряда понятий, содержащихся в данной статье, таких как «социальная группа», «публичность», «разжигание», «направленность действий».

Рецепция российским правоприменителем подходов Европейского Суда по правам человека в делах о защите чести и достоинства более очевидна, нежели при ограничении по мотивам разжигания национальной розни и ненависти. В частности, в 2005 г. Верховный Суд РФ вслед за Европейским Судом разделил «сведения», упомянутые в ст. 152 Гражданского кодекса РФ, на сведения о факте и оценочные суждения. При этом подтверждения требуют только сведения о факте. После 2005 г. основная проблема российских судов по делам о защите чести и достоинства заключалась в правильном разграничении этих двух понятий.

Еще до издания постановления Пленума Верховного Суда РФ 2016 г. российские суды руководствовались подходом Европейского Суда относительно необходимости предоставлять больше свободы при обсуждении общественно важных тем или при критике политиков и общественных деятелей, так как последние осознанно делают выбор в пользу публичности. Постановлением Пленума от 16.03.2016 «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» Верховный Суд РФ сделал обязательным такой дифференцированный подход при рассмотрении дел о диффамации.

С делами по риторике ненависти, или экстремистским высказываниям, сложно сделать вывод о заимствовании российским правоприменителем подходов Европейского Суда. Возможно, это связано с тем, что Европейский Суд не имел возможности рассмотреть неоднозначность применения антиэкстремистского законодательства России. Период активизации привлечения по ст. 282 Уголовного кодекса РФ (разжигание ненависти и розни) приходится на 2011–2012 гг., что означает, что поступившие в Суд дела сейчас могут находиться только на стадии коммуникации.

Европейский Суд в своей практике выработал ряд требований для выявления возможности ограничения свободы слова по данному основанию. Первое: необходимо, чтобы социальная группа, в отношении которой происходит разжигание ненависти, была уязвимой. Второе:

необходимо принимать во внимание политическую ситуацию («накал страстей») в стране по определенному вопросу. Третье: необходимо учитывать статус спикера и способ распространения им информации. Например, распространение через СМИ способно охватить максимально широкую аудиторию, в то время как книги или стихи охватывают аудиторию в значительно меньшей степени. Четвертое: если критика направлена на обсуждение важного общественного вопроса или против политика или общественного деятеля, то пределы допустимой критики расширяются. Наконец, пятое: при выявлении высказываний экстремистского характера необходимо обращать внимание, на что нацелено суждение. Если фраза не была направлена на разжигание розни, хотя распространение дискриминационных суждений и стало ее следствием, то такая фраза будет находиться под защитой ст. 10 Конвенции.

Агальцова Марина Владимировна

Магистр в сфере международного права по правам человека (Центральный европейский университет), адвокат правозащитного центра «Мемориал», специализация – Европейский суд по правам человека, разрешение судебных споров в международных арбитражах.

E-mail: magaltsova@gmail.com